

АРНОЛЬД П. В.

ИМПЛИКАЦИЯ КАК ПРИЕМ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА
И ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Термин «импликация» можно встретить во многих исследованиях, относящихся к разным направлениям в лингвистике. Значение термина не является устойчивым, но при этом всегда основано на принятом в логике определении импликации как логической связи, отражаемой в языке союзом «если...то» и формализуемой как $A \rightarrow B$ (т. е. если A , то B , или A влечет за собой B , или B следует из A). В тексте это может соответствовать выраженной или подразумеваемой связи антецедента (A) и консеквента (B), т. е. высказывание может содержать или оба вербально выраженных члена, или только один. Во втором случае импликация есть вид подразумевания.

Рассмотрим обе возможности. Л. П. Чахойн [1], исследуя синтаксис разговорной речи, называет импликацией логическую операцию, связывающую два высказывания союзом «если...то», т. е. реализацию в предложении условных суждений. Связка при этом выражена полностью: элемент A — условным предложением, а элемент B — главным. Аналогичный подход к импликации находим в работе В. В. Богданова [2]. А. В. Бондарко рассматривает импликацию подразумеваемую, он называет импликацией семантические элементы, не выраженные в речевом акте языковыми средствами, но вытекающие из эксплицитно выраженных элементов [3]. Его пример («Ты пойдешь гулять?» — «Я устал») отражает компонент A приведенной выше формулы, т. е. антецедент, а консеквент B понятен из соположения вопроса и ответа и состоит в том, что второй собеседник гулять отказывается и мотивирует отказ усталостью.

В области лексической семантики можно противопоставить синтагматический и парадигматический подходы к явлению. Синтагматический подход представлен в работах о контекстуальном семантическом осложнении (гиперсемантизации) поэтического слова и о стилистическом контексте, начало которым было положено в трудах Б. А. Ларина [4].

Парадигматический лексический подход отражен в теории импликационала. Импликационал обуславливается связями референта в реальной действительности; в основном лексико-семантическом варианте слова он только подразумевается и в интенционал не входит, но он может породить производные значения и оказаться в них эксплицитованным, войдя в интенционал. В этом случае антецедент A выражен интенционалом основного лексико-семантического варианта слова, а элемент B — его импликационалом. Рассматривая семантику метафоры и метонимии, М. В. Никитин трактует импликацию как аналог связей реального мира, отраженный в мышлении, и, следовательно, как способ организации сознания [5]. Импликация при метонимии, например, отражает пространственные, причинно-следственные, временные и другие связи реальной действительности.

Уже этот предварительный обзор позволяет выделить три дифференциальных признака изучаемого явления: 1) выраженными могут быть или оба компонента связки, или только антецедент; 2) импликация может передавать только информацию первого рода, т. е. предметно-логическую, или сообщать также информацию второго рода: эмоциональную, оценочную, функционально-стилистическую, экспрессивную¹; 3) импликация

¹ Такая информация изучается в работах, посвященных стилистическому контексту, поэтике слова и разным видам гиперсемантизации.

может быть основана на парадигматических или синтагматических связях слова.

Следует подчеркнуть, что разнообразие уже рассмотренных случаев отнюдь не говорит о терминологическом разномыслии, которому так подвержена лингвистика. Напротив, все рассмотренные концепции соответствуют формуле $A \rightarrow B$, но различаются дифференциальными признаками, обусловленными разнообразием изучаемых филологией объектов и целей исследования. Под филологией мы понимаем совокупность наук, исследующих выраженную в языке культуру народа.

Данная статья может рассматриваться как попытка найти филологическую интерпретацию для импликации в узком смысле этого слова, т. е. текстовой импликации, в которой антецедент выражен вербально, а консеквент подразумевается, причем импликация является частью смысла отрывка текста, а не отдельного слова или предложения. Как явление текстовое импликация не может изучаться на примере предложения (это был бы синтаксический подход); рассматриваются отрезки текста независимо от того, из какого количества предложений они состоят. В связи с филологической направленностью исследования в качестве примеров используются только отрезки реальных текстов, которые могут быть известны читателю. Речь, следовательно, идет о текстовой импликации, входящей в компетенцию теории текста, стилистики и шире — филологии. Цель статьи — установить и рассмотреть дифференциальные признаки текстовой импликации, отличающие ее от других видов подразумевания — подтекста, эллипсиса, пресуппозиции, аллюзии и т. п.

Обратимся к примеру. Наполеону привезли портрет сына и он перед придворными демонстрирует отеческую нежность: «Глаза его отуманились, он подвинулся и оглянулся на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета» (Л. Н. Толстой, *Война и мир*). Импликация вытекает из взаимодействия смыслов предложения в скобках и описываемой ситуации. Имплицируется угодливость и раболепие придворных, которые ловят малейшее движение императора в стремлении предугадать его желания. Импликация передает не только событийную предметно-логическую информацию, но и экспрессивно-оценочную: образность олицетворения передает отношение к эпизоду. Характеризуя эту импликацию, мы должны осветить социально-ролевую структуру изображенной в тексте ситуации, которую мы в дальнейшем будем называть **текстовой ситуацией** или **ситуативным контекстом**.

Определим **текстовую импликацию** как дополнительный подразумеваемый смысл (соответствующий консеквенту связки), вытекающий из соотношения соположенных единиц текста (соответствующих антецеденту), но ими вербально не выраженный. Определение это предварительное и в конце статьи оно будет уточнено.

Обратим внимание на то, что речь идет именно о соположенных единицах текста. Импликация, которая содержится в примере, становится понятной, если известно, что говорится о Наполеоне, окруженном придворными. Следовательно, текстовая импликация реализуется в микроконтексте, границы которого определяются его референтом — текстовой, т. е. изображенной в тексте, ситуацией. Основными компонентами ситуации являются участвующие в ней персонажи. Литература и искусство вообще, как известно, антропоцентричны и изображают прежде всего человека. Факультативными элементами текстовой ситуации являются время, место действия, поступки действующих лиц и релевантные для их действий предметы. Формальными границами такого микроконтекста могут быть сверхфазовое единство, диалогическое единство или абзац². Так возникает еще один дифференциальный признак текстовой импликации — признак объема и референтной отнесенности контекста. Текстовая импликация

² Для терминов «микро-» и «макро-контекст» существует множество различных определений. В данной работе микроконтекст понимается в указанном выше смысле, а макроконтекстом будем считать контекст всего произведения.

коррелирует с текстовой ситуацией, или эпизодом (в терминах поэтики).

Рассмотрим импликацию еще в одном эпизоде из «Войны и мира». Генерал-адъютант Балашов послан Александром к Наполеону в Вильно с письмом, выражающим протест по поводу перехода французскими войсками Немана. Во время разговора Наполеон наивно (Толстой употребляет это слово без кавычек, хотя ирония очевидна) спросил Балашова о том, на какие города идет от Вильно прямая дорога к Москве. Балашов ответил: «Есть много дорог и в числе этих разных путей есть дорога на Полтаву, которую избрал Карл XII». Авторская речь, вопрос Наполеона, ответ Балашова содержат импликации. Толстой употребляет слово *наивно*, намекая на притворство Наполеона, который по существу угрожает нашествием на Москву, а Балашов напоминает ему об участии другого захватчика, наголову разбитого под Полтавой Петром Великим. Разделим ситуацию на изображенную и изображаемую. В изображаемой ситуации в словах Балашова — намек, в изображенной, т. е. текстовой, — текстовая импликация. Экстралингвистический контекст требует подключения фоновых знаний, поскольку импликация учитывает историческую эпоху, хотя и остается в рамках эпизода. Само собой разумеется, что значительность импликации зависит от значительности произведения.

Приведем для контраста импликацию в детективном романе Агаты Кристи: «It's extremely kind of you», — I said. „But it's impossible. I could never marry a man, unless I loved him madly“. — „You don't think?“ — „No, I don't“, — I said firmly. He sighed» (A. Christie, *The man in the brown suit*). «Вы очень добры», — сказала я. „Но это невозможно. Я выйду замуж только за того, кого безумно люблю“. — „А вы не думаете?“ — „Нет, не думаю“, — сказала я твердо. Он вздохнул». Изображаемая ситуация полностью раскрывается в рамках диалогического единства. Импликация имеет характер не намека, а недосказа. Молодой человек не решается выразить надежду на то, что героиня его когда-нибудь полюбит. Но она тем не менее отлично понимает его.

Этот признак текстовой импликации — признак масштаба контекста, то, что контекст имеет ситуативный характер, — отличает ее от подтекста, который реализуется в макротексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения.

То, что подтекст реализуется в макротексте, т. е. в масштабе всего произведения, убедительно показано в работах В. А. Кухаренко [6]. Элементы, соответствующие антецеденту, расположены при этом дистантно, а не контактно, и входят в разные ситуации.

Как импликация, так и подтекст создают дополнительную глубину содержания, но в разных масштабах [7]. В подтексте это дополнительное содержание углубляет сюжет, ведет свою смысловую линию, помогает более полно раскрытию главных тем произведения. Текстовая импликация отражает обстановку отдельного коммуникативного акта, поступка или действия, составляющих отдельное звено сюжета — эпизод. Подтекст и импликацию часто трудно разграничить, поскольку оба являются вариантом подразумевания и часто встречаются вместе; присутствуя в тексте одновременно, они взаимодействуют друг с другом. Важная общая черта подтекста и текстовой импликации состоит в том, что оба вызывают эмоциональное и оценивающее отношение читателя к тому, о чем рассказывается. И все-таки их необходимо разграничить.

Обратимся к примеру. В известном романе Дж. Кэри «Глазами художника» повествование на всем протяжении романа прерывается описанием разных мест Лондона в разное время дня и года и при разном освещении, портретами действующих лиц. Эти словесные портреты и словесные пейзажи удивительно красочны и используют богатый арсенал самых неожиданных образных средств. Почти все они содержат одну и ту же импликацию. Они имплицитно творчески эмоционально окрашенное восприятие художником всего того, что он видит. Герой романа художник Джимсон непрерывно представляет себе, как можно было бы воссоздать виденное на полотне. Многие исследователи видят в подобных случаях подтекст. Но подобное широкое понимание подтекста представляется

неоправданным. В каждом из словесных портретов или пейзажей элементы антецедента расположены контактно, а консеквент восстапавливается как следствие этой частной ситуации. Каждый такой отрывок содержит примерно одинаковую импликацию: художник создает общие контуры своего моделирования объекта и жаждет воплотить этот материал в своем творчестве. Только из сочетания подобных отрывков эпизодов на протяжении всего романа действительно возникает подтекст, несущий важнейший смысл романа: творчество — жизненная потребность художника, ради возможности творить талант идет на все. Подтекст заставляет читателя понять, что в любых самых тяжелых и критических ситуациях старый, нищий, больной, бездомный художник воспринимает окружающее как эстетические стимулы и жертвует всем, лишь бы воплотить замыслы в живописи, лишь бы не прекращать творить. Подтекст создает этот смысл, вытекающий из взаимодействия дистантно расположенных частей, и при этом сообщает информацию как первого, так и второго рода.

От подтекста и дифференциального признака масштабности перейдем теперь к сопоставлению текстовой импликации и эллипсиса. Это разграничение очень удачно проведено в грамматике Р. Кверка и его соавторов [8]. Разница между импликацией и эллипсисом, по мнению этих ученых, состоит в том, что эллипсис восстапавливается однозначно, а импликация имеет вариативную интерпретацию. В авторской речи эллипсис позволяет избежать повторения и является языковой универсалией. Приведем русский пример: «(Я) разостлал бурку на лавке, казак свою на другой» (М. Ю. Лермонтов, Тамань). Сиптаксистами эллипсис изучен очень полно, и здесь нет надобности на нем останавливаться подробно. Заметим только, что классифицируются случаи эллипсиса в зависимости от того, какой член предложения или какая часть речи опущены и какую позицию они занимают в предложении. Однозначность восстановления не предполагает неизменности грамматической формы, которая может меняться в зависимости от окружения консеквента. Что касается объема контекста, то совпадение границ эллипсиса с границами предложения необязательно. Эллипсис может появляться во взаимосвязанных репликах диалога. В «Ревизоре» Н. В. Гоголя городничий с тревогой спрашивает: «Где же он там живет?» — «В пятом номере под лестницей», — отвечает Добчинский. Однозначностью восстановления опущенных элементов эллипсис несколько отличается от неполных предложений, в которых, как в приводимом ниже примере, возможна некоторая вариативность: «„Франц, в мою спальню вещи князя!“ — обратился он к слуге, провожавшему Болконского» (Л. Н. Толстой, Война и мир). Однако вариативность здесь очень незначительна.

От текстовой импликации и подтекста эллипсис существенно отличается по своему назначению. Мы уже отметили, что в авторской речи он служит компрессии информации и устранению избыточности. В устном общении избыточные элементы опускаются не потому, что они уже были употреблены, а потому, что они ясны из ситуации. Эллипсис подлежащего в английском языке, например, типичен для непринужденной разговорной речи, закреплен во многих устойчивых оборотах, а потому стилистически маркирован: *Beg your pardon; Told you so; Don't know what to say; Had a good time?; Want a cigarette?; Looks like rain; Doesn't matter; Good to see you*. В авторскую речь такой эллипсис попадает как элемент несобственно прямой речи, а вообще в художественной речи широко используется в речевых характеристиках персонажей. Подобно импликации, эллипсис может повысить экспрессивность, подчеркнуть рематический элемент [9]. Роман «Башня из черного дерева» Дж. Фаулза хорошо знаком советскому читателю и в оригинале, и в переводе, и многие обратили внимание на особенности речи старого художника Генри Бирдслея. Он говорит своему гостю — молодому художнику о девушке, которую держит при себе якобы в качестве ученицы: „Clever girl, Williams. Don't let her fool you. Shouldn't make fun of her“. — The old man stared down at the drawing. — „Deserves better“. — Then: „Couldn't do without her, really“. „Умная девочка, Вильямс. Не давай себя обдурить. Дразнить

не надо". — Старик посмотрел на рисунок. — „Достойна лучшего“. — Потом: „Не могу без нее“. В русском языке эффект эллипсиса слабее, поскольку на лицо указывает форма глагола. В английском варианте заметнее наигранная грубоватость, желание поделиться и в то же время боязнь выдать свои чувства.

Итак, эллипсис позволяет выделить еще один дифференциальный признак — однозначность или неоднозначность восстановления. Однозначность восстановления при эллипсисе имеет следствием отсутствие приращения логико-предметной информации. Но информация второго рода возможна, поскольку имеется стилистическая (разговорная) маркированность, возможна эмфаза, возможны окказиональные стилистические функции при речевых характеристиках. Рамками в эллипсисе служит микроконтекст, но необязательно внутри одного предложения. Восстановление консеквента основано на синтагматических связях. Текстовой импликации и подтексту, как мы видели выше, свойственна вариативность, неоднозначность восстановления.

Продолжим сопоставление текстовой импликации с другими близкими явлениями. Сопоставим ее с явлением, привлекающим в последнее время внимание многих ученых и интенсивно разрабатываемому, — с пресуппозицией. Обзор разных точек зрения по этому вопросу в задачу статьи не входит [10, 11] — мы лишь повторим самое употребительное из определений. Пресуппозиция есть некоторое логическое условие истинности предложения. В таком понимании пресуппозиция тоже отвечает схеме $A \rightarrow B$. Развертывание на глубинном уровне не является при этом восполнением недостающего элемента, т. к. эта операция новой информации не дает, а связана с компонентным анализом и парадигматическими отношениями. Но оно небезразлично и для синтагматики, поскольку пресуппозиционные связи могут служить, как это подтверждено Дж. Личем, Дж. Лайонзом и другими английскими учеными, для связности текста.

Обратимся к примеру. Последняя песнь «Ада» в «Божественной комедии» Данте заканчивается словами: *E quindi uscimmo a riveder le stelle* «И здесь мы вышли вновь узреть светила». Одна из имеющихся здесь пресуппозиций состоит в том, что там, откуда они вышли (т. е. в аду), Виргил и Данте видеть звезд не могли, а раньше они звезды видели. Контекстуальным указателем служит модель с префиксом *ri-* со значением «вновь», «опять», которое передано в переводе отдельным словом. Вторая пресуппозиция передана в русском переводе при помощи гиперонима «светила». Раскрытие пресуппозиции новой информации не дает. Пресуппозиция не рематична. Следует заметить, что большинство авторов как в нашей стране, так и за рубежом (Дж. Лич, Дж. Лайонз и др.) рассматривают пресуппозицию как связь гипо-гиперонимическую, чисто логическую и не содержащую эмоциональной, оценочной и т. п. информации. Действительно, вся сила эмоционального и эстетического воздействия этого стиха дана эксплицитно. И все-таки связь с подтекстом здесь есть. Мы знаем, что упоминанием о звездах заканчивается каждая часть «Божественной комедии», а это уже рассредоточенный повтор по типу сцепления — появление эквивалентных элементов в эквивалентных позициях, что создает подтекст, связанный с космогонической философской концепцией поэта.

Многие авторы отождествляют пресуппозицию с фоновым знанием. Но надо иметь в виду, что фоновые знания, нужные для понимания пресуппозиции, часто ограничиваются чисто языковой компетенцией. Каждый владеющий русским или, соответственно, французским или английским языком, знает, что *sup*, *soupe* или *soup* — это вид пищи. Знаменитая фраза из «Ученых женщин» Мольера: «*Je vis de bonne soupe et non de beau langage*» переводится на английский язык с учетом этой пресуппозиции: «*It's good food and not fine words that keep me alive*» и на русский: «Чтобы жить, мне нужна хорошая пища, а не красивые слова». Конкретность образа в переводе несколько страдает. Заметим попутно, что сопоставление переводов нередко оказывается полезным при анализе всех возможных способов подразумевания и что, с другой стороны, создание общей

теории импликации насущно необходимо для развития теории перевода. Знание теории импликации позволило бы, может быть, избежать таких ошибок, как сглаживание смысла при переводе. Например, переводя следующий мольеровский афоризм, английский переводчик не учел импликации и пресуппозиционной заменой снял образность и богатые коннотации, заменив слово *животное* его гиперонимом *создание*: фр. *L'homme est, je vous l'avoue, un méchant animal*; англ. *Man, I can assure you, is a nasty creature*.

В уже упомянутой работе В. В. Богданов развивает приведенное выше определение пресуппозиции как некоторого логического условия, которое должно быть соблюдено в предложении, чтобы между ним и другим предложением было установлено отношение следования. Связка $A \rightarrow B$, представленная обоими компонентами — антецедентом и консеквентом, оказывается средством связности текста. Далее В. В. Богданов приводит еще трактовку Д. Е. Купера, согласно которой выражение антецедента при этом необязательно.

Сравнение с пресуппозицией позволяет нам выделить следующий признак текстовой импликации, а именно — рематичность, которой в пресуппозиции нет.

Закончим нашу серию сопоставлений сравнением импликации с импликационалом. Выше уже говорилось о работе М. В. Никитина, который рассматривает импликационал тоже как связь $A \rightarrow B$. Семь, входящий в интенционал основного значения слова, оказываются антецедентом для сем, входящих в интенционал производного значения, т. е. имплицитируют их. Импликационал порождается предметными связями обозначаемого. В качестве примеров М. В. Никитин в своей статье упоминает признаки трусливости зайца, хитрости лисы, благородства льва и орла. Последний дифференциальный признак текстовой импликации состоит, таким образом, в том, что импликация раскрывается в тексте, а импликационал есть понятие лексической семантики [5].

Проведенное сопоставление текстовой импликации с подтекстом, эллипсисом, пресуппозицией и импликационалом позволяет теперь дать развернутое ее определение, основанное на установленных выше дифференциальных признаках.

Текстовая импликация есть дополнительный подразумеваемый смысл, т. е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антецедента. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания, тоже выраженными связкой $A \rightarrow B$.

Задача состоит теперь в том, чтобы выявить механизм передачи имплицитных смыслов, установить те свойства антецедента, которые сигнализируют о наличии подразумеваемой части. Задача эта очень сложная и в рамках статьи можно только наметить некоторые возможные направления ее решения.

За последние десятилетия намечилось новое сближение внутри филологии между лингвистикой и поэтикой, социолингвистикой, психолингвистикой, семасиологией, лексикологией и синтаксисом, лексикологией и паралингвистикой, лингвостилистикой и теорией литературы и т. д. Одним из связующих звеньев в этом сближении оказалась теория образов, имеющая большое значение и для теории текстовой импликации. Функционирование образных средств отражения действительности имеет при создании импликации свою специфику.

Специфика образности в теории импликации состоит в том, что образ здесь оказывается не только средством повышения экспрессивности, эмоциональности и создания эстетического эффекта, но и выступает в качестве фактора интенсификации сотворчества читателя и средства компрессии информации. Исследовать образность с этой стороны насущно

необходимо для создания научно обоснованной теории интерпретации текста и стилистики декодирования.

Каждый читатель реконструирует предложенную автором модель мира несколько по-своему, в особом, его собственном варианте, синтезируя в этом варианте то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте. Содержащиеся в тексте образы, аллюзии и контрасты, выраженные эксплицитно, позволяют догадаться об опущенном и подразумеваемом.

В лингвистике более или менее установилось четырехкомпонентное членение образа на предмет сравнения, носитель образа, основание сравнения и слова, выражающие отношение сравнения. В одночленной метафоре, например, называется только носитель образа, а все остальные компоненты имплицитно. В других типах образности те или иные компоненты комбинируются по-разному, но главным для импликации является обычно основание сравнения. В следующем примере Джойс, например, сравнивает мыс с мордой спящего кита: предмет сравнения — мыс, носитель сравнения — морда кита, выразитель отношения сравнения союз *like*, основание сравнения только слегка намечено эпитетом *тупой* и воображение читателя дорисовывает остальное: «... the cape of Bray Head that lay on the water like the snout of a sleeping whale» (J. Joyce, *Ulysses*, I).

Поскольку образ как представление общего через единичное обладает способностью к компрессии, то импликация, создаваемая тропами, реализуется в небольшом по объему контексте: «The thing to be done swells in importance and complexity in a direct proportion with the time to spent» (N. Parkinson, Parkinson's law). В русском переводе читаем: «Дело тем важнее и сложнее, чем больше времени на него отпущено». В переводе импликация отрицательной оценки сильно побледнела, поскольку не сохранен глагол *swell* «пухнуть», несущий неприятные ассоциации с болезненными опухолями.

Малые размеры контекста могут быть также обусловлены афористичностью высказывания. В афоризмах роль ситуативного контекста сводится к нулю, а вербальный контекст очень важен, но невелик по объему.

Большое место среди образных импликаций принадлежит метонимиям от собственных имен, антономазиям. Большую ассоциативную нагрузку получают топонимы, например, названия улиц больших городов (*Невский проспект, Флит Стрит, Уолл Стрит, Елисейские Поля* и т. д.).

Импликации, основанные на метонимиях и на аллюзиях, имеют много общего. Аллюзией называется стилистический прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт. Так, например, фраза *When Greek meets Greek* встречается у многих англоязычных писателей. Это — несколько видоизмененная цитата из произведения Н. Ли. Здесь имеется в виду соприкосновение, оказанное греческими государствами войскам Филиппа и Александра Македонских. Импликация состоит в том, что, когда встречаются две одинаково мощных армии или два одинаково сильных человека, борьба бывает очень жестокой. Особенности историко-филологического контекста рассматриваются во многих специальных работах.

Помимо этих двух случаев образности, предъявляющих к тезаурусу читателя (имеется в виду содержание его памяти) особые требования, существует множество других стилистических фигур и тропов, специфика импликации в которых зависит уже не от историко-филологических сведений, а от вербального контекста, который мы называем стилистическим. Стилистический контекст дает комбинаторные приращения смысла, о суггестивности которых писал Б. А. Ларин. Семантически реализуемое слово получает свое индивидуально-художественное значение (термин В. А. Кухаренко) в соединении с указательным максимумом, образуемым как соположенными, так и дистантными элементами, при взаимодействии разных уровней. Стилистический контекст характеризуется ярко выраженной неоднозначностью импликации, поскольку он позволяет одновременно реализовать два и больше значений слова и создать ему добавочные кон-

нотации. Например, в стихотворении У. Одена «Странник» *dreams of home* означает и то, что родной дом снится герою, и то, что он мечтает и тоскует о родине [12].

Давно известны такие случаи недоговоренности, как апозиопезис и асиндетон. В лексикологии и семасиологии имплицитность связана с окказиональными семантическими осложнениями слов и свободных и устойчивых словосочетаний. В последнее время большое внимание привлекают к себе проблемы паронимазии — звукового сближения слов, независимого от их словообразовательной, этимологической или другой общности, приводящего к возникновению у них общих коннотаций и имплицитирующей смысловую общность.

Большие возможности семантического варьирования, а следовательно, и импликаций, представляют слова широкой семантики.

Импликации могут порождаться также грамматическими средствами. Особый интерес представляют импликации, связанные с видо-временными формами глагола. Они активно сочетаются с другими видами подразумевания. Одна из глав романа Фаулза «*Mag*» начинается так: «„What happened when you got home?“ — „It is late.“ — „But ...“ — „Tomorrow.“. „Что случилось, когда Вы вернулись домой?“ — „Уже поздно.“ — „Но ...“ — „Завтра.“. Соположение форм прошедшего и настоящего времени (*happened, got, is*) оказывается значимым: герой не хочет продолжать свой рассказ.

Теория импликации может способствовать комплексному общелингвистическому подходу к проблеме, учету данных разных разделов филологической науки.

В другом романе того же Фаулза «Женщина французского лейтенанта» над Сэмом Ферроу, лакеем и большим снобом, посмеялась любимая девушка. Реакция Сэма на обиду дана в несобственно прямой речи: «Sam stiffened, „rose his highbrows“ and turned his back». — «Сэм напыжился, „поднял брови“, повернулся и ушел». Текстовая импликация оказывается очень богатой. Сэм старается подражать своему господину и реагировать так, как, по его мнению, должен реагировать джентельмен, — молча поднять брови и с достоинством удалиться. Однако описание паралингвистических средств, с помощью которых Сэм собирается поставить обидчицу на место, дано в его идиолекте. Импликация графически маркирована кавычками и употреблением графона: *rose his highbrows* вместо *raised his eyebrows*. Отклонение от литературной нормы и переход на норму кокни (ср. глагольную форму и типичное для кокни добавление звука *h* к словам, начинающимся на гласный в общелингвистическом языке) имплицитирует плебейский снобизм этого персонажа и вызывает у читателя ироническое отношение к нему, которое в дальнейшем развитии сюжета оказывается вполне оправданным. Филолог вспомнит о литературном прототипе этого Сэма — веселом и остроумном лакее мистера Пиквика — Сэме Уэллере и, возможно, обратит внимание на атнономазию (англ. *farrow* значит «молодая свинья»), а это заставит задуматься над эволюцией этого типажа под пером Фаулза. Так короткий эпизод оказывается фокусом, в котором при толковании должны сойтись данные различных отраслей филологии.

В рамках статьи невозможно перечислить все возможности маркировки текстовой импликации, да и изучены они пока недостаточно. Отметим в заключение, что в любом тексте наблюдаются две противоположно направленные, но взаимодействующие тенденции. Это — тенденция к усилению эксплицитности, например, к повтору, облегчающему понимание и запоминание, и тенденция к имплицитности, суггестивности, компрессии информации, которая также может увеличивать экспрессивность, эмоциональность и эстетическое воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чахоян Л. И. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.